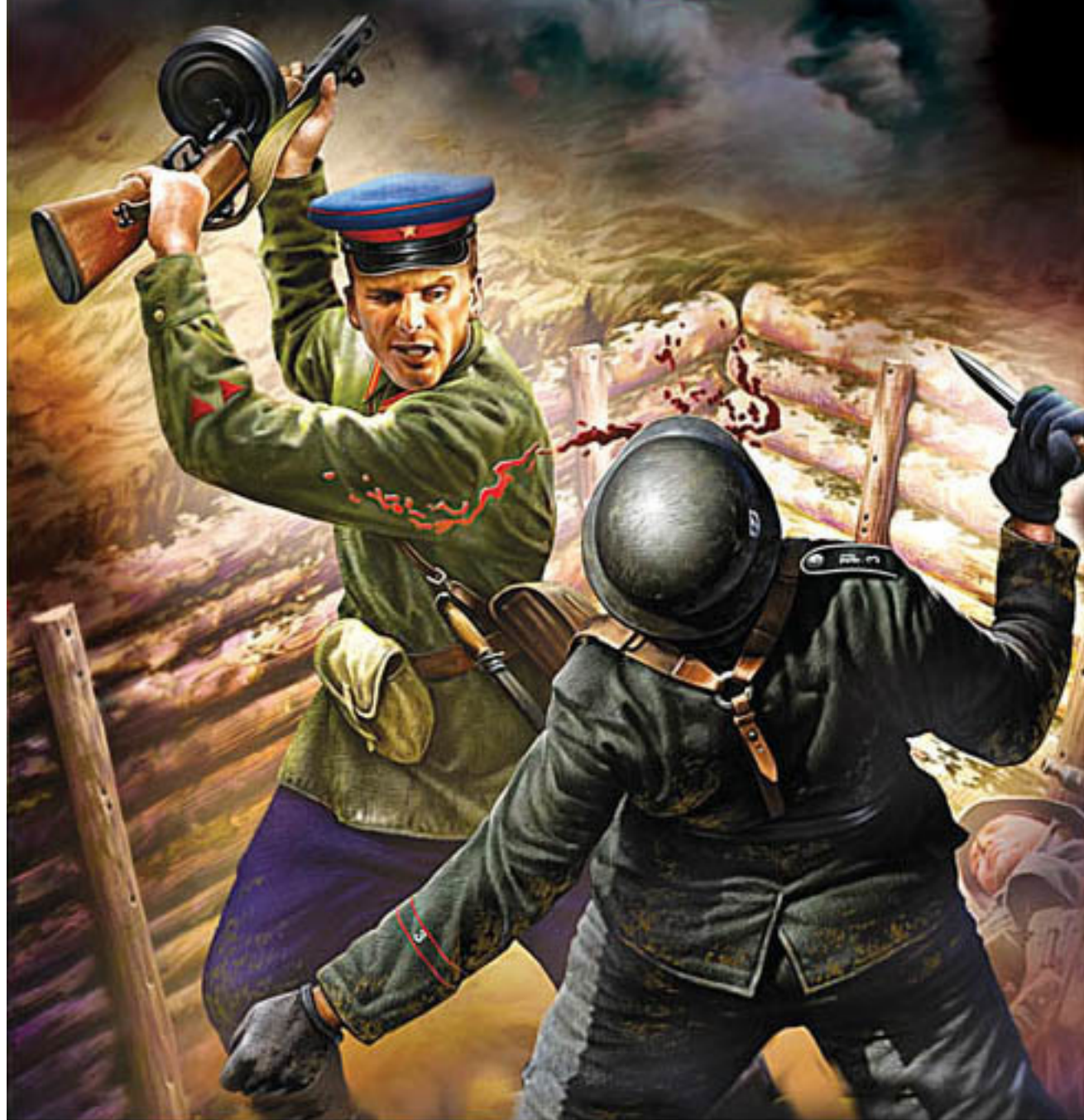

★ Даниил КАЛИНИН ★

ВЫБОР ЧЕСТИ

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Даниил Калинин
Выбор чести

«Яуза»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинин Д. С.

Выбор чести / Д. С. Калинин — «Яуза», 2018 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-04-091043-4

Потомок белых эмигрантов Никита Мещеряков возвращается на Родину в рядах полка «Бранденбург-800». Большевиков он ненавидит больше, чем немцев. — они отняли его дом, лишили семьи и счастливого детства. Он готов мстить. Только кому? Кто его враг? Советский народ? Женщины, старики, дети? Воины, исполняющие свой долг? Или фашисты, пришедшие завоевать его страну? Обманутый разум молчит, зато сердце говорит правду. Никита сделает выбор чести.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091043-4

© Калинин Д. С., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Жизнь без войны	10
Глава вторая. Блицкриг	22
Глава третья. Еще повоюем...	27
Глава четвертая. Последний бой	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Даниил Калинин Выбор чести

Художник Игорь Варавин

© Калинин Д.С., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

...Холодный, промозглый воздух заставляет зябко передернуть плечами и плотнее подогнать форму. Ощущения премерзкие, легкий летний комплект совершенно не греет; сырость и ветер пронизывают тело до костей.

Утренний туман недавно рассеялся, открыв взгляду тяжелые, свинцовые тучи, нависшие будто над головой. Вот-вот пойдет дождь, который выбьет из тела остатки тепла. Хочется в сердцах выругаться, помянув и бездарное командование, и проклятый холод, совершенно не типичный для летней Франции. Вот только ребята чуть ли не молятся капризам природы. Ибо в такую погоду нам не ждать воздушной штурмовки...

За лесом шумят моторы. Это моторы немецких танков, и звук их работы обещает нам скорую схватку. Страшную и смертельно опасную. Так что тревога, не сходящая с лиц солдат, имеет под собой веские основания.

Вокруг меня собрался расчет: заряжающий и два подносчика снарядов. Все трое молодые парни, один бретонец, два гасконца. Когда я отбирал бойцов, происхождение из Гасконии стало определяющим фактором: по ту сторону Пиренеев их родственники показали себя отличными бойцами. Бретонец же, чья родная земля теперь находится под немцами, настроен драться до конца: для него эта война стала уже очень личной.

Но ни врожденная отвага, ни мужество не могут победить страх первого боя. Он написан на лицах бойцов, он читается в глазах. Но слава богу, в своих ребятах я не нахожу того ужаса, который парализует солдата, который ломает его волю и лишает мужества. И это очень важно. А страх? Что страх, только дурак первого боя не боится.

Форма новоиспеченных артиллеристов изгажена глиной и землей, пропахла крепким мужским потом. Мои бойцы не подшиты и не бриты, и в другое время я получил бы жестокий разнос от начальства за такой вид подчиненных. Но как бы я хотел, чтобы сегодня был именно *тот* день, когда я, красный как рак, слушал бы крики старшего офицера... Полночи мы готовили позиции и маскировались, пару часов сна удалось урвать уже на рассвете. Так что неряшливый внешний вид простителен и бойцам, и их командиру.

...Это уже было когда-то. Тяжелая ночь, наполненная земляными работами, краткий миг сна на рассвете... и первый бой. Тогда я выжил, а что нас ждет сегодня?

...Шум моторов приближается. Сложно передать словами, но будто судорога проходит по линии солдат, укрытых окопами: все напряженно всматриваются вперед, на опушку, откуда должен появиться враг. И немцы не заставляют себя долго ждать.

Вперед вырываются два легких чешских LT vz.35. Германцы для себя их переименовали, но я помню только старое название. Танки легкие, хотя посерьезней немецкой «единички», и недооценивать их не стоит: пушки и пулеметы новоиспеченных панцеров могут без проблем уничтожить батальон, лишенный артиллерийской поддержки. Правда, у моего она имеется: мой расчет и пара «сюрпризов», спешно подготовленных за ночь. Но сделав ставку на внезапность, подчиненным я приказал вести огонь только по сигналу. И «легкие» разведчики, а это именно разведчики, не являются той целью, ради которой стоит подать этот сигнал.

Наглости немцев стоит позавидовать: от души врезав по молчавшим окопам из пулеметов, экипажи с коротких остановок открыли частый пушечный огонь. Они бьют по деревянным макетам, сооружаемым силами целого батальона, тщательно замаскированным и расположенным в самых удачных для артиллерии местах. Фактически немцы вызывают огонь на себя, и будь на месте деревянных стволов стволы орудийные, фрицам мало бы не показалось. Но враг, очевидно, уверен, что французы блефуют, и бронетехнике особой угрозы нет. Видимо, уже сталкивались с подобной хитростью.

Земля в окопах содрогается от каждого взрыва, а воздух наполнился запахом пороховой гари. Пехотинцы тревожно переглядываются, слышатся испуганные возгласы. Этот бой первый практически для всех.

Мой расчет замаскирован отлично, так что, я думаю, сейчас обойдемся без боя. Но на всякий пожарный я веду противника через оптический прицел «окопного» орудия.

Неожиданно что-то цепляет взгляд. Чуть поведя стволом орудия (так, чтобы его движение не было заметно), я направляю прицел на опушку леса.

Да, так и есть. Через оптику четко различается приземистый силуэт командирской «единички». Вот ведь... Умеют немцы воевать, причем сколь дерзко, столь же и грамотно. Сейчас их командир определяет цель и тут же передает ее по радиосвязи, фиксирует попадания и отсутствие ответного огня. А будь что неладно, он успеет предупредить подчиненных, сам не вступая в бой.

...Иногда на войне одного взгляда достаточно, чтобы почувствовать врага. Я разглядел панцер командира разведки, а секунду спустя в нашу сторону круто развернулся один из «чехов». Совпадение? Или враги увидели, а скорее даже почувствовали друг друга одновременно?

В расчете я занял место заряжающего. И сейчас мне хватило буквально пары секунд, чтобы навести орудие на цель. Еще мгновение я колебался в надежде, что это совпадение. Нет, вторая коробочка тоже развернулась ко мне.

– Огонь!

Я опередил врага на долю секунды: мой снаряд ударил точно по корпусу, заглушив танк и сбив прицел немецкого наводчика. Ответный осколочно-фугасный ударил по траншее несколькими метрами левее. Послышались крики, но истошной боли покалеченных я в них не уловил.

Лобовая броня чешского танка 25 мм, расстояние между нами 500 метров. А бронебойный снаряд Mle1935 берет 18 мм на 400 метрах, так что мое попадание определяющим не стало. Зато второй танк, развернувшись к нам лбом, уже резко тормозит перед выстрелом...

В капонири натужно заревел мотор старенького «Рено» FT-17. Танк-ветеран, сражавшийся в великую войну, и сегодня был бесполезен. Я возлагал на него большие надежды в грядущем бою. Горячий командир машины, лейтенант Анри Гюто (тоже гасконец), изготовил его к бою без команды – но этим он спас мой расчет.

Я построил огневую схему наличной артиллерии так, чтобы враг, разворачиваясь лбом к одному из нас, подставлял борт другому. Так что «Рено» в капонири имел возможность вести убойный огонь по корме панцеров, что тут же оценил командир немецкой разведки. Так и не сделав выстрела, второй «чех» мгновенно развернулся к новой угрозе, и наспех сделанный Анри выстрел ушел в «молоко».

«Мой» панцер запустил двигатель, но огрызнуться снарядом у него не получилось: мой расчет действует быстрее (скорострельность 37-мм траншейного орудия Пюто достигает 29 выстрелов в минуту). На этот раз я зарядил по башне «чеха». Пробить броню я, конечно, не смог, но удар бронебойного снаряда наверняка оглушил расчет. Тем не менее машина продолжила пятиться назад.

В это время дуэль танков скоротечно и трагично завершилась: «чех» имел значительное преимущество и в оптике, и в скорострельности, и в бронепробиваемости. Он маневрировал, а машина Анри неподвижно торчала в капонири. Точнее, торчала башня, но, видимо, немецкий наводчик оказался настоящим снайпером: я четко услышал звук попадания в башню «Рено». Последний успел сделать выстрел, но бронебойная болванка лишь чиркнула по корпусу немца. Вот только панцер на этот раз оказался повернут ко мне бортом, и этот шанс я не упустил...

Первый снаряд ударил по ходовой. Две секунды – и следующая болванка таранит поворачивающуюся башню. В течение еще пяти секунд ровно два снаряда бьют по корпусу точно там, где находится топливный бак.

Я расстреливаю «чеха» как на учениях: дистанция 600 метров, его броня 16 мм. Значения предельные, но на них меня и натаскивали, и точность попаданий безупречна. Благо оптика орудия позволяет, а мой расчет работает как швейцарские часы. Как результат, буквально за десяток секунд немецкий панцер чешского происхождения (работающий на бензине) вспыхивает, словно коробка спичек. Танкист из наспех открытого люка успевает вылезти лишь наполовину, прежде чем столб пламени выбрасывает его покореженное тело...

По спине потянуло могильным холодом: отвлекшись на второй танк, я фактически погубил расчет – экипажу первого панцера времени было дано предостаточно. Правда, иначе я поступить все равно не мог: потеряв танк Анри, мы стали на треть слабее и против двух машин точно бы не справились. Тем более «чех» так удачно встал. Но вот теперь, лихорадочно наводя орудие на первую цель, я ждал неминуемого возмездия.

Военная удача любит смелых: неизвестно почему панцер продолжает молча пятиться задом. Ни орудийного выстрела, ни даже пулеметной стрельбы. И я рискнул, выстрелил по гусенице. Сгоряча промазал, но пара секунд, и вторая болванка находит цель. Немецкий механ в последний момент попробовал сманеврировать, но лишь упростил мою задачу. «Разутая» машина встала, и в прицел я увидел, как только один член экипажа покинул панцер.

... Два к одному, размен на деле отличный, если не вдумываться в то, что погиб товарищ, купивший наши жизни ценой собственной гибели. Но как бы то ни было, а подбив обоих «чехов», мы крепко сократили немецкую группу. Вряд ли один батальон будет атаковать больше чем два взвода танков, а значит, пятую (если не больше) часть их машин мы уже уничтожили. И кстати, неплохих машин, превосходящих самые многочисленные немецкие «двойки» и «единички».

Только вот на опушке по-прежнему остается командирский панцер. С позиции, которую я определил под свое орудие, до немца более километра. Тем более его закрывают деревья. А остался он для того, чтобы корректировать артиллерийский огонь: радиальные немецкие танки могут позволить себе вызывать и артподдержку, и даже авиационный налет.

Его надо если не подбить, так отогнать: пускай самое мощное мое орудие не вступало в бой и не раскрыло себя, без второй пушки мы много не навоюем. А позицию моего расчета необходимо поменять, чего при немце никак незаметно не сделаешь.

Решение приходит быстро. Под моим командованием остались еще два ротных (60 мм) миномета с расчетами. Против танков они подходят лишь как средство усиления: гусеницу там порвать или попасть точно по двигателю – но это уже совершенная удача. Однако они мобильны и скорострельны.

Подбегаю к расчетам. Минометчики споро подхватываются, и уже вместе мы двигаемся к левому фасу траншей, откуда расстояние до опушки минимально. Быстрый бег с минометами дается нам нелегко, под конец мы дышим как загнанные лошади. Но ничего, зато немец сейчас запоем!

... Конечно, легкие ротные минометы фактически не опасны танкам. Вот только смотря что называть танком: Pz-I обладает броней, пробиваемой очередями даже ручных пулеметов (сам видел во время боев в Испании, у Эль Пингаррон).

Частая стрельба моих минометов тут же приносит результат: немец скрылся, как только первые мины стали падать рядом с машиной. Теперь остается ждать гаубичного огня. А то, что он будет невероятно интенсивным, я знаю наверняка: немцы всегда мстят за потери.

По моему сигналу бойцы расчета успевают убрать орудие. Я же, предупредив по цепочке пехоту, бегу к «разутому» танку: мне надо убедиться в правильности догадки. Со мной увязались два минометчика.

Добежать мы успеваем. Открыв башенный люк, я уткнулся в окровавленное тело командира танка. За ним обнаруживается заряжающий со страшно посеченным лицом.

На мертвых всегда тяжело смотреть, а на тела погибших на войне вдвое: человек делает с другим человеком то, что никогда ему не уготовит природа. И все же я близко склонился над противниками, чтобы понять, что стало причиной смерти.

Броня. «Шкода» выпускала танки с хрупкой, невязкой броней. И сегодня она выдержала попадание бронебойной болванки, но изнутри ударила веером осколков по ведущим бой членам экипажа. А механик, очевидно, не рискнул остановить машину и открыть огонь из пулемета. Будь он чуть посмелее, и под огнем его «зброевки» мы бы не смогли толком целиться, не сожгли бы второй танкер...

Забрав кормовой пулемет в качестве трофея и бросив пару гранат в открытый люк машины, я с минометчиками устремился к своим окопам. Взрыв танкера подогнал нас, и мы успели спрыгнуть в траншею, прежде чем земля встала дыбом под ударами тяжелых снарядов немецких гаубиц...

Глава первая. Жизнь без войны

Когда сидишь в ненадежном укрытии, которое может завалить землей в любую минуту, когда твое тело сотрясается от чудовищных ударов 150-мм снарядов и ты все ждешь *своей*, каждый ведет себя по-разному. Многие молятся, впервые в своей жизни обращаясь к Господу. Кто-то ругается, некоторые вообще сходят с ума... Есть такие, кто, потеряв счет времени, переживают эти секунды без каких-либо отчетливых мыслей.

Я уже воевал, уже попадал под артиллерийскую подготовку врага. Тогда я молился, потом забывался... Но сегодня перед глазами отчетливо встали картины мирной жизни. Не марсельского детства, а того времени, когда мы с матерью и женой вернулись из Испании...

...В свое время я обещал показать Дунише Париж. Оказавшись во Франции, я сразу выполнил обещание.

В предыдущий раз в столице я был совсем ребенком, когда мы с мамой являлись фактическими беженцами. Тогда город оставил в моей памяти лишь смутные, неясные образы чего-то роскошного, но безумно далекого. Оказаться в Париже вновь, но теперь уже при деньгах, было чем-то вроде мечты, чем-то вроде красивого жеста, с которого стоило начать новую жизнь.

Город поражал, восхищал и просто оглушал размерами, красотой и многолюдством. В первые часы пребывания в нем казалось, что мы попали в какую-то сказку – недаром Париж считается одним из самых красивых (если не самым красивым) городов мира. Количество великолепных дворцов в нем неисчислимо – Елисейский, Луврский, Люксембургский, Бурбонский, Матиньонский, только что построенный Шайо... И каждый из них имеет свою особенную историю и легенды, которые сочно и интересно расскажут экскурсоводы или пожилые парижане, желающие просветить молодых провинциалов.

Но разве только дворцы украшают город? Здание Парижской оперы, Пантеон или Дом инвалидов, собор Парижской Богоматери или базилика Сакре-Кер, разве они не сравнимы с их красотой? А визитная карточка Парижа? Казавшаяся современникам монструозным сооружением, в наши дни Эйфелева башня присутствует на всех фотокарточках города. Парижане считают ее символом, и кажется, что современный вид столицы без нее совершенно невозможен.

Мама бывала здесь ребенком и кое-что запомнила о городе, девушкой же немало прочитала про «столицу любви». Поэтому в первый же день мы отправились на Монмартр. Тяжелый подъем компенсировался потрясающим панорамным видом города. Мама показывала на тот или иной дворец или церковь и рассказывала все, что знала об этих местах. Экскурсовод из нее получился весьма недурственный, мы с Дунишей просто заслушались!

...Квартал запомнился своей особенной атмосферой. С одной стороны монументальное сооружение базилики Сакре-Кёр, с другой – дешевые бистро, кабаре, знаменитый «Мулен Руж», площадь Тетр, где мы заказали два портрета: один со мной и Дунишей, один со мной и мамой. После чего вкусно подкрепились в недорогом бистро, где официанты с чувством поведали легенду о происхождении названия заведения. Их версия заключалась в том, что казаки в далеком 1814-м любили подогнать нерасторопных разносчиков и поваров, при этом выкрикивая русское «быстро!».

...Монмартр – квартал творческих людей, а площадь Тетр – их столица. Неторопливо обедая на летней веранде, прилегающей к ней вплотную, мы стали свидетелями выступлений поэтов и музыкантов, каких-то фокусников и комедиантов, и ведь никто не мог утверждать, что эти уличные артисты никогда не получают мировой славы и признательности. Жители Монмартра часто выбиваются в люди.

Время бежало незаметно, а уходить из гостеприимного бистро не хотелось. Война, гибель товарищей, ранения, госпитали, конфликт с мафией – все это наконец меня отпустило, осталось позади. Я наслаждался выступлениями уличных артистов, красками закатного солнца и танцем огня восточных красавиц, исполненным во тьме наступающего вечера. И насколько же мне было тепло и уютно, каким ласкающим и мягким был воздух, как ароматно пахло на этой площади...

...Мы повенчались с Дунишей в Париже, в кафедральном соборе Александра Невского. Собор, построенный еще при царях на пожертвования русских людей и императорской фамилии, был словно частицей еще той, дореволюционной России. Значительное число русских прихожан, проживающих в Париже, только усиливало это чувство, а внешний вид храма напомнил мне резной терем из детских сказок.

Надо сказать, что после войны и службы с наваррскими рекете я поменял свое отношение к религии, к Церкви. Наваррцы заставляли уважать свою веру поступками, и я считал, что католическую Церковь по праву можно назвать всеобъемлющей, «ведущей». Но, как оказалось, с выводами я поспешил.

Как описать то духовное состояние, что я ощутил во время службы? Как описать то, что через слова молитв на церковно-славянском со мной будто заговорили далекие предки, словно ожили герои Невской битвы и чудского побоища? Казалось, что с церковными штандартами, стоявшими в храме, еще русские богатыри шли в битву отстаивать свою веру, свободу и землю...

Я молился Господу, Богородице, всем святым, которых знал, – и это был не призыв о спасении на смертном поле, это было *общение*! Да, ответных слов я на свои мольбы не услышал, но я *чувствовал*, что мои слова слышат, я *ощущал* присутствие тех, кому молился, тех, кто взирал на меня со Святых Образов... Впервые я осознал термин *Благодать*.

...Дунишу крестили, крестных удалось найти среди русских прихожан. Этих же славных людей чуть позже мы пригласили на венчание.

День венчания был особенным. Мама, крестная и Дуниша втайне выбирали платье, а ночь перед бракосочетанием я жил в другом отеле. Впервые в жизни я причастился, познав таинство единения с Господом, великое Церковное таинство... Правда, ему предшествовало нелегкое испытание – исповедь, на которой мне пришлось поведать все свои грехи. А там были не только убийства на войне: я был причиной гибели Рауля и бандитов Жерома. Пускай дроздовцы убеждали меня в правильности содеянного, в душе я считал себя виновным в гибели хоть и нехороших, но людей. Слава богу, батюшка не стал накладывать на меня строгой епитимьи и допустил и к венчанию, а по такому случаю и к причастию.

Комичной получилась ситуация с Дунишей: переводить через меня грехи на русский (и читать потом с листочка) она категорически отказалась, так что нам пришлось искать православного священника, владеющего испанским. (Во время крещения я переводил ей.)

...Но вот наконец само таинство венчания, состоящее из двух чинов: чина обручения и чина венчания. Все происходящее помню урывками; несмотря на то, что я очень старался вникнуть в смысл читаемой службы, получалось не очень. Зато было чувство трогательного волнения от обретаемой нами с женой благодати и духовного родства, восторг от создания уже полноценной, окончательной семьи. Торжественность момента, случающегося единственный раз в жизни.

Я запомнил нежные прикосновения маленькой и теплой ручки любимой, запомнил вкус церковного вина из той чаши, которую дают испить молодым. Я не знаю, был ли это просто кагор или вино каким-то образом еще освящалось – ведь, освященное, оно меняет свой вкус. То, что пили мы, было неповторимо сладким и ароматным – подобного я никогда раньше (и позже) не пробовал.

Никогда мне не забыть глаза моей маленькой супруги – во время венчания они стали просто огромными и невероятно восторженными, как будто свершилось нечто совершенно невероятное! А впрочем, ведь так оно и было.

Да, мы стали мужем и женой и перед людьми, и перед Богом. Теперь уже окончательно. Дунише довольно быстро выдали нансеновский паспорт, где отныне значилась моя фамилия, и каждый раз, когда я об этом думал, я счастливо улыбался.

...Чем еще запомнилась столица? Неповторимой красотой Парижской оперы и глубиной исполнения ее артистов. Выбирали мы между «Кармен» и «Севильским цирюльником». Я был убежден, что моя испанка захочет увидеть постановку, напоминающую ей о родном доме, однако Дуниша поддержала мое желание лицезреть что-то более жизнеутверждающее и веселое. И «цирюльник» нас несколько не разочаровал, искрометный юмор вкупе с интересным сюжетом были прекрасным дополнением к сильнейшим голосам певцов.

...Конечно, мы были и на Эйфелевой башне – как и все, кто приезжает в Париж впервые. Вид с нее открывается потрясающий, и место это особенное, однако эмоции от посещения «визитной карточки» города смазало огромное количество посетителей. Для полноты ощущений не хватало хотя бы видимости романтического уединения...

А больше всего в Париже мне понравились, как ни странно, прогулки по многочисленным и неизвестным улочкам в старых районах, названия которых я не запоминал. Узенькие, выложенные брусчаткой, сплошь окруженные зданиями старинной постройки, они произвели на меня большее впечатление своим домашним уютом, чем все великолепие дворцов. Редкие скульптуры или украшения из цветов смотрелись здесь более органично, чем их бесчисленное множество рядом с тем же Лувром.

Неспешно гуляя с Дунишей по неизвестным маршрутам, мы выходили порой к набережной Сены или к многочисленным паркам города, с удовольствием съедая по мороженому или заказывая пару круассан в бистро. И лирика прогулок по вечернему городу так сильно запала мне в душу, что старинные улочки Парижа снились мне много после...

Жизнь в столице не могла быть слишком долгой, высокие цены и праздность нашего существования очень больно били по карману. Жилье на ту сумму, что у нас имелась, приобрести возможным не представлялось. Так что мы приступили к поискам нового дома.

В конечном итоге мой выбор остановился на Пуатье. Дуниша хотела поселиться поближе к границе с Испанией (точнее, с Бискайей), а мама предлагала какой-нибудь маленький городок или даже деревню, где цены на все были в разы меньше. Однако вся их аргументация была сломлена тем, что я сделал выбор со своей будущей профессией.

Я прекрасно осознавал, что мой потолок не ограничивается местом официанта или грузчика, а карьера профессионального боксера была мне заказана после Марселя. В боях на тотализаторе всегда замешана местная мафия, а учитывая немногочисленность боксеров от сават или шоссона и тесное общение мира бандитов, меня могли легко узнать. В таком случае месть головорезов Карбона была бы неминуемой.

Но также я понимал, что без достойного образования не смогу получить хорошей профессии. Крайне важным был и сам выбор рода будущей деятельности. И покопавшись в себе, я осознал, что не хочу быть ни инженером, ни железнодорожником, ни банковским клерком. Нет, мой путь был иным. Я решил стать офицером.

На этот выбор повлияло множество причин. Все свое детство я был угнетаемым сверстниками и жил с мамой в дикой нищете. И, несмотря на то, что благодаря этому я научился бороться за себя, я никогда не осознавал себя тем, кем был по праву рождения, – потомственным русским дворянином. В детстве дворянство для меня ассоциировалось с богатством, с сокровищами, сказочными теремами. Но только после общения с дроздовцами я понял, что истинный и главный долг любого дворянина – это безответное служение своей родине в той форме, на которую ты способен. И настоящий дворянин – это не богач, который

кичится славой и наследием предков, нет. Настоящий дворянин – это человек, посвящающий свою жизнь и смерть отчизне. И самый понятный мне вариант подобного служения – это военная карьера офицера.

Кроме того, для меня было крайне важно то, что русским офицером был мой отец. Я знал это с самого детства и, еще не понимая истинного значения служения, уже ребенком мечтал стать военным.

Свое боевое крещение в Испании я принял среди офицеров дроздовцев, какое-то время даже командовал небольшой группой солдат (полуротой это точно не назовешь, но все же больше, чем отделение). И с того момента подсознательно я уже считал себя офицером.

Так что факторов, повлиявших на мое решение, было много. И очевидно, на то была Божья воля: поделившись своими соображениями с крестным Дуниши, я получил горячую и действенную поддержку. Я знал, что Владимир Григорьевич Белицкий был (как и многие эмигранты) офицером царской армии и белой гвардии. Однако я не мог знать, что он также является офицером-воспитателем в Русском кадетском корпусе-лицее имени Николая II и имеет определенные связи (Владимир Григорьевич воевал в экспедиционном корпусе во Франции). Перед венчанием он с удивлением и особым вниманием выслушал историю моего знакомства с Дунишей. А позже я рассказал ему о всех своих приключениях в Испании и о своем желании стать офицером. И по Божьей воле именно в его лице я заполучил ключик к осуществлению своей мечты, а точнее, рекомендательное письмо к руководству артиллерийской школы в Пуатье.

...На оставшиеся у нас деньги мы смогли приобрести небольшую квартиру на две комнаты в уже довольно старом доме. Но на большее средств не хватало, а после Марселя мне и маме такое жилье (собственное!!!) представлялось дворцом.

Мое поступление откладывалось практически на год, и мне за это время необходимо было хорошо подготовиться к вступительным экзаменам, для чего требовались репетиторы. Поэтому, как бы ни отвратно было возвращение к работе официанта, мне снова пришлось лебезить и обслуживать «господам». Хотя на этой работе были свои преимущества (чаевые, еда в заведении), делающие ее более привлекательной, чем работу строителя или грузчика, так что жаловаться не приходилось. Особенно учитывая наше положение.

Мама также искала работу. Устраиваться в дворники я ей запретил, место швеи получить не удалось. Но неожиданногодились знания латинского языка: в аптеке рядом с нашим домом требовался фармацевт. Как-то получилось, что квалифицированного специалиста не нашлось, и аптекарь дал объявление, приглашающее грамотных людей, знающих латынь. Кандидатура матушки его вполне удовлетворила.

Дунишу, еще плохо владеющую французским, на семейном совете решили оставить дома – присматривать за хозяйством и также заниматься с репетиторами. Так вроде бы успешно началась наша общая семейная жизнь...

Знаете, почему все сказки заканчиваются свадьбой? Потому что после свадьбы заканчивается сказка. Пока будущие супруги встречаются, влюбляются друг в друга, пока длится период ухаживания, молодые люди очень трепетно относятся к возлюбленной(ому), боятся друг друга обидеть. Требования, предъявляемые к объекту влечения, минимальны: главное, чтобы человек был рядом и не изменял.

Совершенно иная ситуация ждет супругов. Вместо того чтобы празднично наслаждаться жизнью вдвоем, им приходится вместе жить и обустроить свой быт: работать, готовить, убирать, стирать, ремонтировать и т. д. У каждого появляются свои обязанности, но далеко не каждый успешно с ними справляется, и не каждый согласен с их разделением.

Молодые жены очень редко сразу становятся хорошими хозяйками. Это только свежесваренные в своих воспоминаниях сразу обладали многолетним опытом быстрой и вкусной готовки, безропотно убрали дом и т. д. На деле все приходит со временем, но не все мужья

это осознают. Как результат, когда новоиспеченная супруга оказывается не очень способной хозяйкой, супруг начинает предъявлять претензии: а почему не убралась, почему не приготовила? И т. д.

Жена, получив за неубранный дом или неприготовленный обед, идет в контрнаступление, указывая на невыполнение каких-то мужских обязанностей, или упирает на тот факт, что у мужа их значительно меньше (по крайней мере, в квартире). Затем она призывает оказывать ей помощь в уборке и на кухне.

И что же? Супруг соглашается. Помощь любимой по дому кажется нормальным и разумным шагом. Но не тут-то было! Зачастую женщина очень быстро привыкает к тому, что мужчина готовит и убирает, и все ее обязанности как-то плавно перетекают к нему (хотя опять-таки, роль паразита может «переходить»).

Если мужчина имеет голову на плечах, а также мужскую гордость, он сопротивляется, заставляя супругу не отлынивать. Но вряд ли он делает это в мягкой форме, нет: он начинает приказывать, ругать, тем самым заявляя свое высокое положение в семье. А у женщины из свободолюбивого горного народа вдруг обнаруживается сильный характер и дух противоречия. Если она не права, но при этом ее ругают, она ни за что не признает свою неправоту.

...В конечном итоге у молодых есть серьезный шанс разобраться самим. Муж понимает, что грубость в общении с женой – не самое лучшее средство, и начинает общаться с ней спокойно, аргументированно. Жена, понимая на деле свою неправоту, учится вкусно и быстро готовить, начинает поддерживать порядок в доме. У молодых еще много мгновений романтики, беззаботности, прогулок под звездами и красивых признаний... Главное, чтобы не было третьей силы, активно раскачивающей лодку молодой семьи.

Конечно, речь идет о родителях. Кто такой родитель? Это человек, давший жизнь своему ребенку, обнимавший свою кроху еще совсем малюсеньким, помнящий первые шаги малыша, помнящий, как он в первый раз звал его, как трогательно плакал... Родитель всю жизнь защищает и пытается помочь своему ребенку, пытается оградить его от беды – ведь для родителя сын или дочка всегда остаются такими же крохотными, как и в первые дни их жизни. И эти чувства может понять только другой родитель.

А еще родитель отличается от своего ребенка тем, что он старше его и гораздо лучше знает жизнь. Точнее, он уже знает результат тех или иных действий и последствия ошибок, с ними связанных. Родитель в горячности своей любви забывает, что молодые учатся на своих ошибках, что в молодости также на ошибках учился, никого не слушая. А может, никого рядом не было, некому было учить... Главное, родитель знает только результат. Он забывает, что к результату нужно прийти, что этот путь молодые должны пройти вместе!

Конечно, ситуации бывают разные, иногда безотлагательное вмешательство просто необходимо.

Но чаще всего советы, данные ребенку с позиции своего опыта, имеют не положительный, а отрицательный результат. Подмечая те или иные недочеты вторых половинок своих детей и рассказывая о них, родители фактически настраивают супруга(у) против любимого, создают дополнительную напряженность в молодой семье. Хозяйский, практический опыт в семейных делах приходит со временем, только мамы (и папы) об этом забывают. Им кажется, что они всю жизнь все умели, хотя это далеко не так.

Если один супруг чего-то не умеет, но при этом старается научиться (или со временем понимает, что учиться надо), а вторая половина не особо и замечает этот недочет, то у них все хорошо. Время пройдет, и все будет. Родитель же, достаточно умный, чтобы не выяснять отношения напрямую, но недостаточно мудрый, чтобы понять, что нужно время, рассказывает обо всем ребенку. Рассказывает обо всем, что не нравится именно ему, родителю! А ребенок, который понимает, что родитель-то, по сути, прав, идет выяснять отношения. И в ходе очередного конфликта, начавшегося ни с того ни с сего, супруги редко могут не рас-

крыть, что подтолкнули их к конфликту родители! И вот тогда начинается самое интересное...

Одним словом, надо было как-то ухитриться купить две квартиры. Но и денег не хватало, и вариантов доступных было немного, и маму жалко было одну оставлять. Какими будут последствия данного выбора, я и представить себе не мог.

Но в конечном итоге все встало на свои места. С одной стороны, я стал добиваться от Дуниши того, чтобы она образцово содержала дом, с другой – запретил матери хоть намеком выражать свое недовольство супругой. Чего мне это стоило – отдельная история. Но тот факт, что летом я буду поступать в артиллерийскую школу и дома буду бывать в немногочисленных увольнениях, отрезвил моих женщин.

...Год семейной жизни пролетел незаметно. Все плохое осталось позади, а все хорошее, все моменты семейного счастья, весь домашний уют настолько сильно въелись в меня, что я практически раздумал поступать.

Но мир менялся. В воздухе запахло большой войной. О войне не давала забыть Испания (мы активно следили за событиями гражданской), войну предсказывала стремительная милитаризация Германии (демилитаризация Рейнской зоны, оккупация Австрии). О войне судачили французы, и в их разговорах не было уже той веры в мощь собственной армии и ее наступательного порыва. Все надежды возлагались на линию Мажино, но тут же вспоминали про «Центурион», не сумевший защитить Бильбао... Наконец, главное – моя интуиция также подсказывала мне, что война неотвратима, неотвратимо и мое в ней участие. И раз уж так, лучше принять ее в должности артиллерийского командира, а не бесправного пехотинца, чьи смерти на войне исчисляются сотнями тысяч.

Несмотря на внушительную подготовку, занявшую практически целый год, к моменту сдачи вступительных экзаменов никакой уверенности в себе у меня не было. С юншества я всегда находился в неплохой физической форме, но на сдаче меня ожидали верховая езда и фехтование, дисциплины аристократические, но, на мой взгляд, давно уже мертвые. Впрочем, дальнейшая моя учеба поставит под сомнение столь спорые суждения, а пока приходилось сцепя зубы разучивать приемы сабельной схватки и фехтования на шпагах, до посещения скакать верхом. В какой-то момент я втянулся, и каждый раз, беря саблю в руки или преодолевая очередной барьер, я чувствовал себя настоящим аристократом. Впрочем, все познается в сравнении: в школе из меня получился самый слабый фехтовальщик и наездник, а экзамен по физической подготовке удалось сдать лишь после демонстрации техники бокса и сават.

Я всю жизнь любил историю и географию, хотя мне пришлось изрядно попотеть, готовясь к сдаче. Тяжело было с физикой и математикой, а химию еле-еле вытянул на самый низкий балл. Трудности были и с иностранными языками: английский и немецкий я до того учил только в школе (немецкий), а уровень знаний казался достаточным лишь на фоне моих одноклассников-неучей. Репетиторы не проявили должного усердия (а может, я и сам не уделил языкам достаточного внимания), но экзамен я завалил. Пришлось идти ва-банк, демонстрировать знания русского и испанского. Это несколько смутило экзаменатора, и он (с оговорками и моими клятвенными заверениями) пошел навстречу, допустив меня до дальнейших сдач.

А вообще, без рекомендательного письма у меня не было никаких шансов. Дело в том, что в артиллерийскую школу в Пуатье направляли наиболее подготовленных унтер-офицеров из действующей армии и младших лейтенантов, окончивших Сен-Сир или политехническую школу. Последние, как правило, были представителями дворянских фамилий и держались особняком. Я не принадлежал ни к одной из групп, более того, мое гражданство само по себе находилось под сомнением.

Все решила личная встреча с начальником курса, которому были адресованы рекомендации.

...Невысокий, крепко сбитый вояка, с щеточкой усов, до синевы выбритым подбородком, с холодным и цепким взглядом, оценивающе глядел на меня поверх листка бумаги. Он прочитал письмо, но продолжал держать его в руках, видимо, проверяя мою выдержку. С выдержкой в последнее время были проблемы, но я выстоял.

Затем состоялся долгий и вдумчивый разговор, в ходе которого капитан Шемаль последовательно расспросил меня про семью (особенно про отца), про мою мотивацию при отправлении в Испанию, очень долго расспрашивал меня об участии в гражданской войне. Его интересовало буквально все, а наибольший профессиональный интерес вызвало, естественно, действие артиллерии.

Я также последовательно ответил на все его вопросы, после которых капитан уточнил непосредственно о моем желании стать французским офицером. Я ответил именно то, что думал о будущей войне.

Подытожил капитан словами: «Будешь служить. Нам нужны обстрелянные офицеры».

...Так началась моя учеба и официальная служба. Что больше всего мне запомнилось за эти два года?

Унтера, к которым меня определили, по первости крепко невзлюбили «русского выскочку», «цивила». Командиром отделения я, естественно, не стал, а потому все «лучшие» наряды доставались мне, и заступал я в них через сутки. В увольнения я не ходил (командир отделения ни за что не соглашался подписать листок, откровенно смеясь в лицо), учеба также не могла выпрямиться из-за пропусков занятий (через сутки наряд!). Офицеры не лезли во внутреннюю жизнь курсантов, считая, что «молодой» или «заслужил» наряды провинностями, или вместе с другими не признавали гражданского в артиллерийской школе.

Однако все изменилось, когда к нам приехала группа английских военных, предложивших, между прочим, товарищеский спортивный матч. Состязались по нескольким дисциплинам, в том числе и по боксу. Тут-то про меня и вспомнили.

Французы откровенно плохо владели искусством английского мордобоя, но также не изучали и отечественный сават. В итоге англичане вдребезги разбили сборную школы, выиграв практически все поединки. Практически все и практически у всех. Кроме одного исключения.

Британцы дрались классически, их прямые удары были молниеносны и точны, но побеждали они в основном без нокаутов, просто перебивая соперников. Меня перебить не удавалось: я рвал дистанцию, втягивался в клинч, наносил много хуков и апперкотов с уклонов и нырков и раз за разом отправил в глубокий сон трех оппонентов! Мне рукоплескала вся школа! Стоя!

Но последний англичанин, до того не вступавший в схватки, сумел мне доказать, что классический бокс рано списывать со счетов...

...Меня нехорошо кольнуло спокойствие оппонента. Не то чтобы напускное, а неподдельное – англичанин был явно уверен в себе. И это после трех поражений его соотечественников! Потому я начал не спеша, поддериывая противника провоцирующими выпадами левой руки и чуть тесня его в угол ринга.

Но боксер, сделав пару шагов назад и никак не среагировав на выпады, молниеносно выбросил левый джэб. Привычно нырнув под удар, я попытался развить контратаку, но мой кросс только рассек воздух: англичанин легко ушел в сторону. Он уже видел меня на ринге и изучил мою тактику, потому без труда переиграл.

Теперь ближе к канатам стоял я. Привыкнув работать на контратаке, я решил дать возможность развить активность оппоненту и тут же пропустил правый прямой. Англичанин будто взорвался ударом, отбросив меня назад.

Я мгновенно поднял руки, ушел в сторону... но противник остался стоять в центре ринга, победительно вскинув руку.

Это была красная тряпка: почувствовав позор унижения, я бросился вперед, желая просто сокрушить британца! И чуть ли не проиграл бой: противник легко уходил от ударов, резал углы и постоянно пробивал встречные прямые, точно находящие голову. Я же ни разу акцентированно не попал: кулаки или бесполезно резали воздух, или утыкались в блоки.

Пока шло краткое время отдыха, англичанин насмешливо и снисходительно посматривал на меня. Но второй раз у него уже не получилось завести противника. Я уже понял, насколько оппонент силен и опасен, потому предельно собрался и не позволил себе лишних эмоций.

Прозвучал гонг, и мы вновь стали сходитьсь. На этот раз я сам много маневрировал, уходил от атак разрывом дистанции или нырками. В зале стали улюлюкать и свистеть. Британец же стал понемногу злиться, снова попытался вывести меня из себя, вскинув руку и призывно раскрываясь. Нет, я только в ответ манил его: иди ко мне!

И он пошел. Только на этот раз я знал, я чувствовал его удар. Противник выстрелил им как пружина, и именно туда, куда я должен был нырнуть! Но показав нырок, я мощно ударил вразрез в живот правой и тут же пробил апперкот! Голова британца взлетела вверх, но мгновение спустя мой мир будто взорвался от мощного хука! Меня отшвырнуло к канатам, но я не упал. Британец со свирепо перекошенным лицом прыгнул вперед, желая добить – и поймал встречный кросс! От левого хука, брошенного вдогонку, он отклонился, контратакуя правым боковым, но я нырнул под него, достав корпусом мощнейшим правым крюком. Он явно сбил его дыхание...

Англичанина спас гонг.

Третий раунд прошел пассивно: мы оба работали прямыми, не ввязываясь в рубку. Четвертый, пятый, шестой, седьмой... Я очень устал, никогда мои бои не были столь долгими. Но приходилось сражаться, сражаться за честь школы, за свое право быть ее курсантом.

...На этот раз чуть «повальсировав», я отступил в угол. Противник встал напротив: он был как кобра, готовящаяся к броску. Но за секунду до атаки я дернулся вперед и тут же откинулся назад, проваливая акцентированный кросс англичанина... и нанося мощнейший встречный прямой! Противник упал, рефери начал счет! Победа!!!

...Я поторопился. На пятой секунде британец встал, коротко усмехнулся и жестом поаплодировал мне. Я рискнул, попытался его добить. Как я бил... Англичанин все время рвал дистанцию, контратаковал, но я принимал неакцентированные удары, сам же бил много сильнее! В какой-то момент он пропустил прямой по корпусу и, согнувшись, прижался к канатам. Будто превратившись в отбойный молоток, я обрушил ураган сильнейших ударов, которые должны были просто убить человека! Каждый удар мог быть последним...

Но в какой-то момент, не чувствуя уже никакого сопротивления, я просто остановился. Остановился на мгновение, только лишь вздохнуть... и пропустил. Апперкот был столь стремительным, что я ничего не увидел и не понял, просто очнулся, лежа на полу. Рефери отсчитал уже десять. Прозвучал гонг. Спасительный гонг, остановивший отсчет моего нокаута.

Да... это было что-то. К сиденью меня вели, я ничего не понимал, ноги подгибались. Кто-то хотел выкинуть белое полотенце, но я остановил его жестом:

– Ради школы...

...Весь раунд я просто стоял в углу как совсем недавно британец, послушно позволяя делать ему из себя отбивную. Но не упал. Еще три раунда я немного двигался. Он тоже немного двигался, мы обменивались короткими ударами, иногда даже точными... но обострять были просто неспособны. И вот конец боя.

Меня, шатающегося, вывели в центр ринга. Это был самый тяжелый мой бой, и я его проиграл, проиграл, несмотря ни на что. Я знал это и лишь пытался виновато улыбаться вдребезги разбитым лицом.

Рефери выкрикнул что-то непонятное и... поднял руки обоих боксеров. Ничья!!!

...Конечно, это была политика: никто не хотел конфликта между союзниками, который мог породить этот поединок. Британец что-то одобряющее шепнул мне, но я его не понял, лишь устало кивнул в ответ.

Когда я проходил сквозь ряды ликующих сослуживцев, они аплодировали стоя, бешено выкрикивая мое имя и мою национальность. Да, я русский, спасибо, ребята, что напоминаете... В конце меня ждали унтера моего взвода. Вперед вышел командир отделения и молча протянул мне четыре увольнительные.

Дома мои женщины чуть с ума не сошли, увидев мое лицо. Когда с меня сняли рубаху, маме чуть ли не стало плохо. Насилу успокоили.

Узнав подробности схватки, очень удивилась Дуниша. После того как я на ее глазах в пух и прах разбил трех марокканцев, ей было как-то странно видеть меня в таком состоянии. Ну, ничего. Для меня главным были эти моменты истинного, домашнего счастья. Только служившие на казарменном положении поймут, что такое домашнее увольнение. Да еще и на целых четыре дня!

...Отношения с курсантами изменились в корне. И дело было не только в ставшем уже легендой поединке. Когда я вновь вернулся в казарму, мы поговорили с унтерами по душам. Как оказалось, для них не было секретом мое участие в войне в Испании, так же как и выбор стороны, за которую я воевал.

Так вот, несмотря на то, что политики Франции во многом шли на поводу у англичан, понуждавших закрыть глаза на помощь франкистам и требующих не оказывать ее республиканцам, большинство французов (особенно в военной среде) симпатизировало последним. И в первую очередь как раз потому, что франкистам помогали итальянцы и немцы – потенциальные враги. Отрицательное отношение ко мне было вызвано именно этим, но никто не захотел со мной просто поговорить о недавних событиях моей жизни. Что же, хоть после турнира заговорили!

История моей семьи, рассказ о дроздовцах и их идеалах (про Марсель я разумно промолчал), а также подробности моего боевого пути произвели на французов сильное впечатление. Достаточно сказать, что командир отделения стал обращаться ко мне на «вы», а в коллективе за мной закрепилась «должность» третейского судьи. Да к тому же я совершенно забыл про наряды.

...Многое в артиллерийской школе было мне в новинку. Мирная армия предстала с той стороны, которой я раньше не знал: те же наряды, помешанность командиров на чистоте помещений, внутренняя обостренность отношений в коллективе, жизнь по строгому распорядку... Воровство. Бывало и такое, хотя «крыс» наказывали жестко. Очень ценились увольнения, которые нужно было заработать не только отсутствием недочетов по учебе, но и личной успеваемостью. А командиры к тому же мотивировали нас «помогать» товарищам, «отбивая» увольнения всему взводу за плохую оценку хоть одного бойца.

Учеба же мне нравилась и была безумно интересна – будущих французских артиллеристов готовили на совесть.

Началом нашей подготовки стали занятия по определению расстояния до цели. К слову, после Испании у меня и так развился отличный глазомер, я действительно был одним из лучших курсантов, но некоторые вещи были и мне в новинку. Если определять расстояние по звуку, вспышке выстрела в ночи, отрезкам местности, ну, или при помощи большого пальца правой руки я умел, то работы с тем же биноклем, определения с его помощью отклонения разрыва от цели я не знал.

Нас учили грамотно определять по характерным признакам замаскированные цели: дзоты, командные и наблюдательные пункты, вражеские батареи; по струям дыма – расположение минометных расчетов. Учили правильно указывать цель расчету и грамотно выбирать точку наводки, учили тонкостям правильной установки и чтения угломера панорамы.

До начала боевых стрельб мы до автоматизма оттачивали навык правильной горизонтальной наводки орудий, и вертикальной – минометов. Соответственно на первых настоящих стрельбах мы били по неподвижным мишеням, учились брать их в «вилку». Чуть поднагнанных в данном направлении, мы перешли к самой важной части нашего обучения – стрельбе по движущимся целям. В первую очередь это могли быть танки (самый страшный наш противник) и броневики противника. Неплохо наловчившись бить неподвижные мишени, курсанты вполне сносно научились брать фигуры упреждения и поражать цели,двигающиеся под углом или боком к орудью. Кроме того, мы научились верно определять расстояние при любой температуре воздуха.

Однако обучение в артиллерийской школе вызывало у меня двойные чувства.

С одной стороны, наученные горьким опытом Великой войны французы полностью избавились от лишнего щегольства и бравады. Давно была забыта «теория решительного натиска», согласно которой отвергались создания любых фортификационных сооружений, и артиллеристы вели бой с открытых позиций. Канула в Лету яркая, разноцветная форма, которая должна была возбуждать боевой дух солдат (на деле она значительно облегчала труд стрелков противника). А сами пехотинцы больше не ходили в атаку в полный рост, в плотных шеренгах, которые начисто выкашивал артиллерийский и пулеметный огонь врага.

Сегодня школа готовила профессиональных военных. Солидный теоретический курс давал по-настоящему академические знания; необходимые нам формулы и функции, а также табличные значения вытесняли из головы все посторонние мысли. Разбуженный ночью курсант был способен с ходу выдать радиус разлета осколков, фугасное действие или значение бронепробиваемости тех или иных типов снарядов.

Практические занятия проводились регулярно. По числу боевых стрельб, проведенных с курсантами, школа выходила на одно из первых мест в мире! Не случайно для ее выпускников попадание с 800 метров из противотанковой пушки Гочкинса (нашего основного противотанкового орудия) в мишень размером 80 на 80 сантиметров было средним результатом!

Кроме того, очень большое внимание уделялось искусству фортификации: преподаватели, зачастую являющиеся ветеранами-фронтовиками, азартно зарывали нас в землю по самую макушку, доказывая важность своевременной подготовки позиции. Мы столь же азартно ругались сквозь зубы самыми последними словами, но каждый курсант в душе осознавал необходимость и такого учения.

Помимо непосредственно фортификации и огневой подготовки, большое внимание уделялось маскировке и тактике ведения боя – в том числе подготовке засад.

Оставшееся время было разделено между прочими дисциплинами, среди которых на первое место выходила проклятая всеми курсантами шагистика. Причем, как мне кажется, проклинали ее не только во Франции...

Стандартной подготовке пехотинца (стрельбе из винтовок и личного оружия, метанию гранат, штыковому бою) было выделено незначительное количество времени. И само обучение было, мягко говоря, посредственным. Но на это имелись объективные причины: во-первых, задача артиллериста заключается во владении орудием, а не винтовкой; во-вторых, курсанты априори должны были владеть стандартным оружием, придя в школу армейскими унтер-офицерами или закончив Сен-Сир. Без ложной скромности стоит отметить, что багаж знаний, «заработанный» мною в Испании, позволял быть мне в этой дисциплине первым.

Физическая подготовка была обязательной частью нашей жизни, и, к слову, она помогала здорово сбросить напряжение учебы. В первую очередь это были всё те же фехтование

и верховая езда. Как уже было сказано, здесь я был в числе последних, зато осознал пользу обеих дисциплин. Что касается верховой езды – то в эпоху мотора лошадь, как ни странно, оставалась в армии главным средством передвижения, которое никак нельзя было недооценивать. Что касается фехтования, то оно здорово развивало тело, гибкость и координацию.

А вот именно рукопашный бой был представлен лишь факультативной секцией бокса, которую курсанты посещали разве что в свободные от учебы дни. Я же, после памятного боя, секцию не посещал – не было времени.

Это с одной стороны.

Но с другой – складывалось полное впечатление того, что французское командование в очередной раз готовится к «прошлой войне». Да, насыщенность артиллерии в пехотной дивизии (2 артиллерийских полка, дивизионная противотанковая рота, а также батальонная и полковая артиллерия) вызывала уважение. Число батарей в стрелковой дивизии превышало число пехотных рот, а количество орудийных стволов (62 орудия, не считая 7 минометов) превосходило артиллерийскую мощь стрелковой дивизии любой иной армии мира.

Однако артиллерийский парк был представлен зачастую или устаревшими орудиями, или орудиями прошлой войны. К примеру, наше основное противотанковое орудие – 25-мм пушка Гочкинса – разрабатывалось еще в 20-е годы. Относительная его бронепробиваемость была обусловлена значительной длиной ствола (проходя по нарезному каналу, снаряд получал высокую начальную скорость). Однако эта же длина делала более сложной маскировку орудия. Кроме того, к пушке прилагались лишь бронебойные боеприпасы; отсутствие в числе выстрелов осколочно-фугасных снарядов делало орудие малоэффективным против пехоты.

Но главный его недостаток, на мой взгляд, заключался в слишком маленьком калибре. Да, пулеметным панцерам и итальянским танкеткам, да даже советским танкам с противопулевой броней нашего калибра (с учетом длины ствола) его было достаточно. Однако я не мог поверить в то, что ни немцы, ни большевики не сделают должных выводов по результатам войны в Испании. Не мог поверить в то, что они не усилят танковую броню. Ведь у самих же французов новые танки выпускались с броней, превышающей толщину в 30 мм!

Довольно скоро мои догадки полностью подтвердились. У немцев появились средние и тяжелые танки, а французская промышленность запустила в массовое производство новое противотанковое орудие калибра 47 мм. Его тут же начали изучать в школе; мне (да и всем курсантам) оно понравилось гораздо больше пушки Гочкинса. Однако был один существенный недостаток и у этой артиллерийской системы: ее малочисленность.

Еще большую тревогу у меня вызывали зенитные орудия. Не понаслышке зная возможности немецкой авиации, я с внутренним содроганием взирал на 3-дюймовые зенитные орудия Шнайдера, оборонявшие в прошлой войне Париж. Тогда они были достаточно эффективны против цеппелинов и первых бомбардировщиков, но именно в авиации немцы сегодня добились максимального технического развития! И разве можно было сравнить устаревшие французские пушки с 88-мм «монстрами» нацистов, которые я видел во время боев на Харама? На вооружении французов также состояли 40-мм зенитные пушки «Бофорс» и 25-мм зенитные орудия Гочкинса, некоторое количество «эрликонов». Но этих орудий было сравнительно немного, и в сумме они не могли обеспечить надежную защиту от атак с воздуха.

Добавить к тому, что основу дивизионной артиллерии составляло 3-дюймовое орудие Шнайдера, принятое на вооружение еще в конце XIX века, а парк тяжелой гаубичной артиллерии был практически полностью представлен «пушками-ветеранами»... В общем, картина вырисовывалась тревожная. Оригинальной (и в чем-то более совершенной) была крепостная артиллерия, принятая на вооружение гарнизоном линии Мажино – но мне пред-

стояло стать лейтенантом в обычном пехотном полку. Да и не вытащишь из дотов орудия, прикрепленные к потолочным рельсам...

Нет, все это тревожило меня. Но, с другой стороны, ситуация в общем казалась не такой уж и плачевной. Во-первых, французская армия располагала значительным количеством мощных, хорошо бронированных танков, вооруженных аж 75-мм орудиями! Это даже не советские Т-26 – которым не было равных в битвах на испанской земле. Последние значительно уступали французским машинам.

Во-вторых, нельзя было сбрасывать со счетов «неприступную» линию Мажино. Конечно, меня волновал тот факт, что инженеры, возводящие ее, создали «Центурион» вокруг Бильбао. И «железный пояс» совершенно не оправдал надежды басков – но ведь его и не достроили! Тем более что планы оборонительных сооружений своевременно оказались в руках франкистов. А вот три полосы обороны, достигающие в глубину до 90–100 километров и опирающиеся на старые французские крепости вроде Вердена – они вызывали доверие. Курсантов несколько раз отправляли на стажировку к артиллеристам линии, и на всех нас произвела глубокое впечатление продуманность обороны. Подземные тоннели, соединяющие подземные форты, мощнейшие доты, пулеметные турели, «вырастающие из земли» за счет хитрых механизмов, – и все это под прикрытием дальнобойной артиллерии на железнодорожном ходу! Я представил себе, что мне пришлось брать эту линию в лоб со своими наваррцами, и внутренне ужаснулся. Нет! Даже представлять себе такое страшно!

Пускай ничего по-настоящему «неприступного» в этом мире нет, но чтобы прорвать укрепления линии, требовалась наверняка мощнейшая концентрация войск на одном участке. А пока они будут прорываться (мгновенно несколько десятков километров укреплений и ловушек не пройдешь), место прорыва переключат заранее подготовленные резервы.

Французское командование было убеждено в том, что линия Мажино на всем протяжении франко-германской границы практически непреодолима. Опираясь на ее форты, можно не самыми большими силами сдерживать многократно превосходящие удары противника – это прекрасно понимали и немцы. Так что удар вермахта ожидался в Бельгии – там, где германцы уже один раз смогли добиться успеха.

И действительно, такое решение диктовал здравый смысл. Во-первых, бельгийская армия была несравненно слабее французской. Во-вторых, ее границу не перекрывали мощнейшие оборонительные сооружения – ведь когда Бельгия расторгла с Францией военный союз, последняя не смогла достроить линию Мажино на германо-бельгийской границе (по «прямой линии»). Вместо этого ее достроили по франко-бельгийской, значительно растянув – и именно здесь укрепления были самыми слабыми, а глубина обороны самой незначительной. Так что здравый смысл подсказывал немцам повторить план Шлиффена.

Но именно этого и ждали французы, сосредоточив на севере страны лучшие дивизии и собрав здесь большую часть бронетанковых сил. В случае нападения немцев на Бельгию предполагалось пересечь границу и встретить врага на чужой территории. Благо в стране-союзнице хватало удобных естественных рубежей в виде полноводных каналов с крутыми берегами.

Кроме того, в войне с Германией французскую армию должен был поддержать многочисленный британский корпус, а также непосредственно бельгийские и голландские армии. Перевес союзников в численности войск и бронетехники был однозначным; командование было непоколебимо уверено в том, что немцы и на этот раз намертво завязнут в их обороне.

Так что мне, казалось бы, было нечего опасаться надуманного отставания военной теории французов, техническую слабость орудий которых с лихвой должны были окупить ее многочисленность и подготовка артиллеристов.

Казалось бы...

Глава вторая. Блицкриг

Напряженная учеба и немногочисленные увольнения, которые я всецело посвящал семье, съедали все имеющееся время. Но даже при столь напряженном графике приходилось находить время для ознакомления с международной обстановкой. Это требовали старшие офицеры, но этого требовала и сама наша жизнь.

Как личную трагедию и позор французской политики многие думающие военные приняли «Мюнхенское» соглашение с Германией. Нацисты, которых «подкармливали» то Австрией, то Рейнской областью, решились на оккупацию целого государства. Союзного Франции государства, с которым был подписан договор о военной помощи.

Оказала ее Франция? Как же. Только что из клюва у англичан не ели французские политики; союзники были преданы, никто не пришел на помощь чехословакам.

Правда, сами чехословаки вполне могли своими силами отбиться от немцев. Их оборонительные сооружения в Судетской области были не слабее, а то и посильнее Мажино. Но, даже добровольно отдав эту территорию, они сохранили еще многочисленную и перво-классно вооруженную армию, а также значительные бронетанковые силы. Насколько нам было известно из курса изучения вражеских и союзных танков, LT vz.35 и LT vz.38, выпускаемые «Шкодой», были значительно совершеннее немецких панцеров Т-1 и Т-2. В 1938-м у немцев других машин не было. Но тем не менее чехословацкое правительство сдало свою страну. Пускай и под дипломатическим давлением британцев и косвенно французам. Но разве можно, смотря в рот чужим дипломатам, лишиться независимости?!

А армия, потенциально способная уничтожить вермахт? Только один офицер, только ОДИН отказался сдать оружие и организовал сопротивление своих солдат. Только один из всего офицерского корпуса...

Еще меня поразила близорукость поляков. Разве не могли братья-славяне помочь возрожденной Речи Посполитой, когда германцы напали бы на нее? Разве не понимали поляки, что немецкая экспансия повернута лицом не только на запад, но и на восток? В 1938-м польская армия представляла вермахту серьезную угрозу. Но в 1939-м немецкая армия стала вдвое сильнее за счет чехословацкого оружия и заводов. Да поляки были способны спасти братьев по крови, просто предоставив Красной армии свободный проход по своей земле. Одно только утвердительное заявление – и немцы бы не осмелились на оккупацию страны!

Но, конечно, они не пошли на это. Как и чехи, ляхи глядели в рот британцам и ждали их указаний. А хитрые англосаксы, верные своей политике, растили в Центральной Европе противовес СССР и считали, что Рейх полезно усилить за счет приобретения Чехословакии. Но и после этого нацисты и большевики не имели еще общей границы...

И ведь поляки понимали угрозу со стороны Германии. Но их надежды были напрямую связаны с союзнической помощью британцев и французам. Странно, вот почему-то мощь англичан кажется всем какой-то незыблемой величиной. Однако, учитывая, что их войска в 1914-м были легко разбиты солдатами кайзера, что их армия не смогла справиться со слабой турецкой в Месопотамии на протяжении всей войны, что огромный десант, брошенный на Дарданеллы, потерпел сокрушительное поражение... откуда выводы о мощи бриттов? Англосаксы воюют ТОЛЬКО за себя и свою выгоду. Они десятки раз предавали союзников, но им почему-то по-прежнему верят.

Как говорят в России, дураков учить надо. Дураки – это чехи, ляхи, французы. А учат нас немцы.

За французам стоит сказать отдельно. Что же касается ляхов – так они не только не помогли естественным союзникам, они еще и присоединились к дележу территории. Какая-то спорная область, ради которой был заключен военный союз с Рейхом и введены войска

в Чехословакию. Вот так... Вместо того, чтобы вместе противостоять историческому врагу, гораздо проще ударить в спину с молчаливого согласия тех, кому абсолютно плевать, есть ты или нет тебя.

Я даже не был удивлен, что когда немцы напали на поляков, военная поддержка им ограничилась заявлениями о вступлении в войну да демонстрацией наступления, которое тут же выдохлось. Немцы вдребезги, разгромно разбили ляхов, к чести которых все же стоит сказать – дрались они мужественно.

После Польши пала Дания, началось вторжение в Норвегию, а французская армия оставалась на своем месте. Пограничникам даже вменялось не стрелять по дозорам врага. И ради чего? Ради плана британцев натравить Рейх на Советский Союз, а по окончании их кровавой схватки диктовать свои условия мира, полностью сохранив армию и флот. Странная пассивность союзных армий объяснялась демонстрацией намерений: «нападайте на «красных», вам ничто не угрожает»!

Но ни Гитлер, ни Сталин не были профанами в политике. Нет, они прекрасно понимали лживость британских лис, им обоим были ненавистны союзники. Потому, несмотря на явную враждебность, они заключили союз, разграничив сферы влияний. Британские политики просчитались, их намерения были прозрачны нацистам: зачем оставлять в тылу врага, который лишь *намекает*, что не нападет, когда можно оставить в тылу принципиального союзника?

Ну а что касается Сталина... Его обвинили во всех грехах, в предательстве, в оккупации польских земель. Но я видел иное. Сталин сделал все, чтобы предотвратить усиление Рейха, Сталин был самым последовательным врагом Гитлера. СССР до последнего оказывал военную помощь Испании, а военные грузы отказалась пропускать Франция. СССР готов был прийти на помощь чехам – но те добровольно стали немецкими рабами. И что же, после всего лицемерия англичан и французов, после осознания того, что Рейх натравливают на его страну, Сталин должен был поступить как-то иначе? Тем более что с момента возрождения Польша всегда была враждебна большевикам. Так что Сталин поступил мудро, сделал ход на опережение, подарил своей стране и армии отсрочку, во время которой рассчитывал подготовиться в достаточной мере.

...Весна 1940-го была полна тревог и надежд. Близился мой выпуск, и это событие как-то заслонило пассивную войну. За то время, пока я учился, мама и Дуниша вполне основательно прижились вместе, их отношения стали действительно родственными. Жена уже достаточно выучилась языкам, и матушка сумела взять ее помощницей в аптеку. В своем последнем увольнении я узнал от Дуниши потрясающую новость: я должен был стать отцом!

...10 мая 1940-го перечеркнул все грезы о мирной жизни.

Война развивалась стремительно, по четко сработанному немецкому плану. Успешно комбинируя удары с воздуха, десанты и стремительные натиски механизированных частей, немцы за 4 дня заставили капитулировать голландцев. Реки Ваал, Маас, канал Альберта, форт Эбан-Эмаэль – все естественные и искусственные оборонительные рубежи, опорные пункты, на которые возлагало надежды командование союзников, не смогли удержать необратимого натиска вермахта. Германцы воевали умело, быстро, непредсказуемо, используя последние и самые совершенные тактические приемы.

По плану англичан и французов немцев, наносящих удар через Бельгию, необходимо было остановить на естественных рубежах (р. Маас, канал Альберта). Таким образом, считая линию Мажино неприступной и оставив на границе ее гарнизон (а в тылу второсортные части), лучшие войска двинулись навстречу вермахту. Это были войска первой линии, вооруженные согласно всем штатам, до предела насыщенные танками и бронемашинами.

Но планы командования не учли скорость движения механизированных соединений немцев, не предвидели, что враг столь эффективно проведет масштабные десантные операции. Удобные оборонительные рубежи заняты не были. Кроме того, вырвавшиеся вперед французские части, которые могли с ходу вступить в бой и затормозить движение немцев, зачастую отказывались атаковать, ожидая подхода основных сил. Только в сражение при Анню, где в бой вступил Кавалерийский корпус (в составе 2-й и 3-й танковых дивизий противостоящий двум немецким танковым дивизиям), германцам был нанесен чувствительный удар, темп их продвижения снижен. По дошедшим до нас данным, немцы потеряли 164 танка. Однако и потери корпуса были очень чувствительными: 104 машины. И надо отметить, что Кавалерийский корпус был укомплектован отличными танками S35, превосходящими по бронированию Т-3 и уступающими только немногочисленным Т-4. Также с нашей стороны в бой шли пушечные танки Н35, которым сильно уступали легкие Т-1 и Т-2.

Но битва при Анню стала единичным случаем. И главное: удар немцев через территорию Бельгии и Голландии, при всем масштабе и успехе, оказался лишь отвлекающим маневром! Огромные массы танков и пехоты прошли через Арденны, считающиеся совершенно непроходимыми для механизированных соединений и крупных пехотных частей! И началось...

Прорыв через Арденны можно было бы остановить массированными бомбардировками – но французское командование не сумело быстро среагировать. А как только механизированные соединения германцев вышли на оперативный простор, их просто некому было остановить – Арденны прикрывали резервисты и второстепенные части без значительных средств усиления.

Таким образом, пока главные силы союзников втянулись в Бельгию, к ним во фланг и тыл вышла сильнейшая немецкая группировка. Фактически наша армия оказалась в ловушке.

Немцы стремительно продвигались вперед, проходя около 50 километров в день. Наше командование пыталось организовать удар во фланг наступающей из Арденн группировке, но все мехчасти были уже связаны в боях, и оперативная их переброска была невозможна. Единственную достойную попытку предпринял бригадный генерал Шарль де Голль (очень популярный в войсках и находящийся в некоторой оппозиции к командованию), сформировавший ударный кулак из 4-й танковой дивизии и приданных к ней частей. Он атаковал южный фланг немцев трижды и добился определенного успеха, отбросив противника. Но немцы оперативно перегруппировались и бросили против де Голля лучшие части, которые с воздуха поддерживали Люфтваффе, безраздельно властвовавшие в небе.

...Воздушную войну немцы выиграли в первые же дни. Их пикирующие бомбардировщики уничтожали союзную авиацию прямо на аэродромах, зачастую еще до взлета. Как я и опасался, достаточную противовоздушную оборону малочисленные и устаревшие зенитные орудия обеспечить не смогли. Так что группу де Голля (как и несколько позже англичан у Арраса) уничтожили в первую очередь с воздуха. К слову, немалую роль в воздушных победах немцев сыграли уже виденные мною в Испании «мессершмиты». Во Франции воевала более совершенная и доработанная модель, которая по своим показателям превосходила все французские истребители.

Отрезанная союзная армия отступила к Дюнкерку. Англичане, не собирающиеся сражаться во Франции до последнего, 26 мая отдали приказ о эвакуации экспедиционного корпуса, вместе с которым бежали и французские части. Только в небе над Дюнкерком британские ВВС, имевшие на вооружении отличные истребители «харрикейны» и «спитфайры Mk.I», сражались в полную силу. На 106 потерянных машин пришлось 140 сбитых немецких. Эвакуация личного состава прошла успешно, но было брошено все тяжелое вооружение и вся техника...

Таким образом, к 4 июня (окончание эвакуации) Франция потеряла весь цвет своей армии, лишилась авиации, бронетанковых сил, лучших пехотных частей. Вновь создаваемая линия фронта была ничтожно слабой – не хватало артиллерии, средств усиления, опытных командиров и обученных солдат. В бой шли резервисты, ветераны прошлой войны, молодняк... и мы, не дослужившие до выпуска чуть меньше месяца. Курсантов артиллерийской школы в Пуатье наспех произвели в лейтенантские звания и отправили на фронт. На прощание с родными дали одну только ночь, полную слез прощания...

И все-таки надежда была еще жива. Надежда на мужество таких командиров, как Шарль де Голль, и собственную выучку. Все выпускники, отправляемые в бой, жаждали помериться с немцами силами.

...Я попал в маршевый батальон, спешнодвигающийся навстречу немцам. Необстрелянный молодняк вперемешку с возрастными мужиками. Последние, впрочем, хотя бы имели боевой опыт, вот только растеряли все навыки за годы мирной жизни. Вооружили подразделение «третьей очереди» плохо: «туземными» винтовками Бертье с емкостью магазина в три патрона да небольшим числом пулеметов «гочкинс».

Из всех офицеров только я и командир единственного танка «Рено» FT-17 Анри Гюто имели боевой опыт. Я прошел Испанию, Анри воевал в 4-й танковой дивизии, той самой, которую вел в бой де Голль. Гасконец по происхождению, Анри горячо ругал командование, которое вместо создания ударных бронетанковых кулаков разбрасывало машины по пехотным частям, немецкую авиацию, сдерживающую любые попытки атаковать, и собственный танк. Старенький «рено» был «самцом» (то есть пушечной машиной), но безнадежно устаревшим. Он мог еще потягаться с Т-1 или Т-2, но против «тройки», имевшей броню в 30 мм, сражаться был не в состоянии (новый бронебойный снаряд к старой пушке пробивал только 18-мм броню). Анри с грустью вспоминал свой S35, на котором он уничтожил две немецкие машины (одну «двойку» и один LT vz.38), а также до взвода пехоты. Танк был поврежден точно сброшенной бомбой.

Несмотря на горячность, искренний и смелый гасконец произвел на меня хорошее впечатление, на него можно было положиться (так и получилось. Вечная тебе память...).

Помимо танка, из средств усиления батальон получил одну старенькую траншейную пушку Пюто и дивизионное орудие Шнайдера. Траншейное орудие приглянулось мне небольшими размерами (проще замаскировать) и хорошей оптикой, потому я решил командовать ее расчетом, набранным из добровольцев. Кроме меня артиллерийских офицеров в батальоне не было, зато из ветеранов удалось набрать полный расчет к дивизионной пушке.

Орудие Шнайдера обладает лучшими бронебойными качествами и вполне способно поразить броню и среднего Т-3, и даже тяжелого Т-4. Вот только угол горизонтальной наводки у него составляет всего шесть градусов, что сводит на нет все преимущество в бронепробиваемости.

Я долго думал, каким образом можно организовать противотанковую оборону батальона. И к моменту прибытия на позиции уже имел четкий план. Поделившись им с командиром батальона, я убедил седовласого майора выкопать траншею так, чтобы на наиболее танкоопасном направлении (около 500 метров по фронту) окопы изгибались вовнутрь. Таким образом, получалась «чаша», в которой я собрался уничтожить немецкие пантеры, как римлян при Каннах.

Для дивизионной пушки мы соорудили отдельный приземистый дзот с возможностью стрельбы в одном направлении. Дзот расположили в середине левой дуги «чаши». Таким образом, расчет орудия мог вести фланкирующий огонь по наступающим фронтально немецким танкам. Для того чтобы упростить задачу артиллеристам, мы установили в поле приметные ориентиры и даже пристреляли по ним пушку.

Наибольшую опасность для нас представляли тяжелые и средние танцы. Т-1 и Т-2 на практике успешно поражались ручными гранатами, а борт этих танков могли в упор пробить бронебойные пули ручных и станковых пулеметов стандартного калибра.

Траншейная пушка Пюто была способна разместиться прямо в окопах. Я решил не мелочиться, и под мой расчет было оборудовано аж 4 позиции на правой стороне «чаши». Мы также пристрелялись по отметкам. Мой план был прост: открыть огонь по самым опасным машинам противника в тот момент, когда они поравняются с ориентирами. Благодаря хорошей оптике я был уверен, что смогу «разуть» танки, то есть сбить гусеницы. И тогда бездвиженные танцы станут легкой добычей второго расчета.

Еще один дзот мы расположили в верхней трети правой дуги. Нам пришлось попотеть, но в итоге из него можно было вести круговой обстрел. В дзоте обустроился расчет единственного в батальоне крупнокалиберного пулемета «гочкинс» (13,2 мм). Этот пулемет прошел боевое крещение в Испании и отличился тем, что успешно пробивал броню легких танков. Правда, после пробития брони он уже не мог вызвать пожар или повредить механизмы, зато успешно поражал членов экипажа. Бронебойная пуля пулемета, по заявленным данным, пробивала с 200 метров 30 мм брони. Верится с трудом, но в любом случае, на крупнокалиберный «гочкинс» я рассчитывал.

Также в отдельных окопах позади передовых траншей расположились минометчики. Капониры для единственного танка мы вырыли с левой стороны дуги, в верхней ее трети – напротив пулеметного дзота. Экипаж танка переподчинили мне, поскольку приданную к пехотному подразделению машину рассматривали в качестве артиллерийского усиления. Анри гордо именовал себя «истребителем танцев»... По моему замыслу, танк должен был выдвинуться для ведения огня после того, как мы выйдем «тяжей». До того «Рено» был надежно укрыт от посторонних глаз.

Батальон прибыл на позиции два дня назад, ближе к вечеру, а работы по обустройству и оборудованию траншей закончились сегодня ночью. Чтобы обмануть немцев, в трех местах мы сбили вполне правдоподобные макеты противотанковых орудий. Засыпал я с чувством полностью выполненного долга.

Но сейчас, глубже вжимаясь в землю после каждого взрыва, с горечью думаю о том, что большая часть нашей работы пошла прахом.

Глава третья. Еще повоюем...

...Хотя как сказать. Педантичные немцы решили подстраховаться и на всякий случай перепахали снарядами позиции ложных батарей.

Однако досталось и батальону. Что хуже всего, был разбит пулеметный дзот, а в капонире горел «Рено». Я так наверняка и не узнал, что случилось с Анри...

В строю остались оба орудия. Для моей пушки спешно разворачивали маскировочную сеть на запасной позиции, а на прежнем месте установили заранее сбитый макет. Пока мы спешно занимались последними приготовлениями, прибежал командир одного из минометных расчетов и скорбно отрапортовал, что второй расчет накрыло прямым попаданием. Выживших не оказалось.

...Перепаханные траншеи трудно узнать. На секунду показалось, что я вернулся на Пинггаррон – лунный пейзаж, который остается после хорошей артподготовки, окутанная дымом земля – все это до боли знакомо. Пахнет гарью и удушливым смрадом разорвавшихся снарядов. Стоны и крики раненых не могут заглушить звука приближающейся смерти – рева танковых моторов.

Кожу разъедает пот, но попытавшись стереть его ладонью, я только размазал по лицу грязь от прилипшей земли.

После выматывающего обстрела чувствую злость. Хорошую, сосредоточенную злость, которая дает силы в бою.

– Приготовились, сейчас покажутся!

Из леса выкатили танцы. Ну что, две «тройки», три «двойки» и две «единички». Еще одна, командирская «единичка», держится позади. Не так вроде и много, но земля под ногами трясется. Машины развернулись широким фронтом, полностью перекрывая наши позиции. «Двойки» с флангов, тройки и единички в центре, и они прут именно в «чашу»!

За танцами выдвигается пехота. Эти атакуют грамотно: перемещаются поочередно, отделениями, прикрывают друг друга пулеметным огнем. Наступают не в полный рост, короткими перебежками – одним словом, цели для стрелков и пулеметчиков сложные. Их бы подпустить поближе, ударить точнее, но неопытные пехотинцы начинают стрелять изда- лека. К сожалению, их огонь неточен, а вот немцы бьют в ответ весьма прицельно.

По открывшим себя пулеметчикам начинают говорить «двойки» и «единицы». Правильно, вполне себе достойная цель. Мы же молчим. Сцепив зубы, дико желая поймать в прицел приземистый серый силуэт и скомандовать «огонь», я жду. Проклинаю себя за то, что, возможно, слишком близко расположил контрольные отметки в поле (на 600 метров). Может, стоило открыть огонь на большей дистанции. Может...

Гулкие выстрелы 50-мм орудий «троек» разительно отличаются от «лая» скорострельных 20-мм пушек Pz-II. С коротких остановок средние танки снайперски поразили макет, установленный на прежней позиции. Да... У меня совсем немного шансов безнаказанно «разуть» оба танка.

Сердце бьется гулко, будто молот. Хоть бы не заметили раньше времени! *Господи, помоги, чтобы не обнаружили нас раньше времени!*

Все-таки то, что пехотинцы открыли хоть и беспорядочный, но плотный огонь, не позволило немецким наводчикам заметить мой замаскированный расчет. Первая тройка поравнялась ровно с прицельной отметкой.

– Огонь!

Мимо! Ну же, ребята, заряжайте быстрее!

– Огонь!

Попадание! Есть! Танк ощутимо дернуло, и в оптику прицела я четко увидел, как сле- тела перебитая гусеница. Секунду спустя в борт неподвижного панцера гулко ударил снаряд замаскированного орудия. Потом еще один и еще. Немецкая машина покрывается клубами дыма, но ни один из люков танка так и не открылся.

...Выстрелы демаскировали орудия. По моему расчету заговорили «единички», в сторону дзота лбом повернулась вторая «тройка». Я успел рывком нырнуть в окоп, сбив плечом заряжающего. Один из подносчиков (его звали Шарлем) упал с простреленной головой, второй гасконец успел залечь.

Я не вижу того, что происходит на поверхности. Слышны выстрелы и панцера, и дивизионной пушки – артиллеристы ведут неравный бой. Высунуться из окопа просто невозможно, по нам бьют сразу четыре пулемета.

Характерный звон разбитого стекла. Все, у моего орудия больше нет прицела.

Злость становится ледяной.

– Твою...! Пулемет!

Подхватив танковую «зброевку», бегу вправо по окопам. Пехотинцы жмутся вниз: необстрелянный молодняк, впервые столкнувшись с танками и смертью товарищей, больше неспособны бороться со своим страхом. Но мои бойцы не отстают от командира.

Мой замысел прост. Одна из «единичек», увлеченно расстреливающая артиллерийский окоп, подобралась довольно близко к линии траншей. Была не была, хотя бы попробую достать!

Заняв удобную позицию, устанавливаю «зброевку» на сошки, плотно прижимаю приклад к плечу. Выдыхаю... Сейчас посмотрим, каково в бою чешское оружие. Плавню жму на спуск.

Родное, хоть и слегка подзабытое ощущение крепкой отдачи – и первая очередь уходит чуть в сторону и вверх: незнакомый пулемет, да еще и танковая версия, с более коротким стволом и сильной отдачей, слушается не сразу. Но уже со второго раза я нахожу борт машины.

Панцер круто разворачивается, но я продолжаю вести прицельный огонь короткими очередями. Однако дистанция оказывается слишком большой для того, чтобы поразить машину из пулемета. Ответный огонь танковых машингеверов испаряет землю бруствера.

Лица окружающих бойцов выражают неподдельный ужас. Кто-то попытался покинуть окоп, но в спину их тут же срезают очереди пулеметов «единички». Потому оставшиеся, давно превратившиеся в безвольное стадо, по-прежнему остаются на своих местах. Офицеров не видно.

– Солдаты! Приготовить гранаты, примкнуть штыки!

Чем бы ни кончился этот бой, я буду вести его до последнего. И сделаю все, что в моих силах. А уж командовать необученной пехотой умею еще с Испании.

Услышав внятные команды, лица некоторых бойцов приняли осмысленное и даже злое выражение. Они начали суетливо примыкать игольчатые штыки. Однако большинство смотрит на меня испуганно и раздраженно. Они не могут понять, зачем оказались здесь, не могут понять, что от них хочет сумасшедший артиллерист. Они перестали быть бойцами или никогда ими не были. Но сейчас они *нужны* мне как бойцы.

– ТЫ! Кусок собачьего дерьма!! Ты плохо слышишь офицера или тебе выбить все зубы, чтобы научить выполнять команды?! Я тебя спрашиваю, трусливая мразь!

В артиллерийской школе нас доступно учили тому, как организовывать своих подчиненных. Может, кому-то такой подход и покажется странным, но здесь и сейчас унижение и злоба отрезвляют солдат, позволяют отвлечься от собственного всепоглощающего страха.

«Тройка» уничтожила дзот. В тот момент, когда мы подбили первого середнячка, второй панцер еще не выехал на линию ведения прицельного огня из дзота. Возможно, наши

артиллеристы сумели развернуть само орудие (этим объясняется ответный огонь), но слабые прицельные приспособления, довольно узкая амбразура и все тот же малый градус горизонтальной наводки сыграли свою черную роль. Немцы разбили не очень прочную стенку дзота бронебойными снарядами, а затем всадили туда же три осколочных подряд. Расправившись с последней пушкой, уцелевшая «тройка» двинулась ко мне.

«Единички» замерли метрах в 150 от окопов. Понимая свою уязвимость, экипаж не лезет на рожон, открывая плотный пулеметный огонь каждый раз, когда наши пехотинцы пытаются вести организованную стрельбу. Благодаря прикрытию панцеров немецкая пехота подобралась к окопам уже вплотную.

Но «тройка» – гораздо более защищенная машина. И экипаж танка рискнул расправиться с нами лично. Да и чего им бояться? Противотанковых гранат у нас нет, бутылок с зажигательной смесью не более пары десятков. Конечно, немцы об этом наверняка не знают, но ведь могли же уже столкнуться с отсутствием у французской пехоты противотанковых средств.

Громада немецкого панцера наползает неотвратно. Сколько она там весит? 19,5 тонны? Кажется, что все сто – земля страшно дрожит и будто уходит из-под ног. За машиной вплотную двигаются пехотинцы.

– Бойцы, пехоту нужно отсечь! Пять гранат мне, остальные по команде к немцам! И не забудьте перед броском выдернуть чеку, ослиное отродье!

Слышу сдавленный смешок. О! Это хороший знак.

Танк чуть вырывается вперед. Его машингеверы ведут плотный огонь, не давая поднять головы... Метров 35 до противника. Немцы залегают, начинают подозрительно возиться на земле.

– Гранаты к бою!!!

Французские лимонки и немецкие колотушки летят друг к другу одновременно. Штатное время горения запала у обеих гранат порядка трех секунд (у М24 на деле побольше), так что колотушку, упавшую мне прямо под ноги, я успеваю вышвырнуть обратно.

Однако далеко не все бойцы столь ловки. По всему периметру в траншеях слышатся крики боли. Но и немцев наши гранаты, обладающие большим радиусом разлета осколков, достаточно охоломили. Понимая, что это единственный шанс, я высовываюсь наружу и даю из пулемета длинную очередь по пехотинцам.

Нырнуть вниз успеваю мгновением раньше выстрела танка – чудовищный удар в грунт отбрасывает меня к противоположной стенке окопа, а комок земли секут как боксерские удары. В голове только звонкий свист, я ничего не слышу. Контузия.

Трясущимися руками нащупываю в земле вещмешок, набитый гранатами. Глаза застилает стекающая по лбу кровь, вижу плохо. Наконец нахожу искомое. Одну лимонку осторожно затягиваю в горлышке. Я должен успеть!

Танк после выстрела рванул вперед. Экипаж решил подавить людей в окопе.

Разжимаю усики, выдергиваю чеку... Лови!

Мне везет дважды: во-первых, панцер приблизился к окопам на 10 метров (а не остался на месте), во-вторых, меня не застрелили во время броска.

Тем не менее вещмешок долетел только до передней части гусениц. Панцер взревел, сдвигая назад и вправо, однако взрыв прогремел рядом с траками. Правая гусеница слетает. В этот момент Андре, заряжающий-бретонец, удачно бросает единственную имеющуюся у нас бутылку со смесью керосина и бензина, разбившуюся о башню. Сознание фиксирует чужую в этом месте мысль: бутылка-то из-под вина.

Если бы «зажигалка» растеклась за башней, то мы наверняка сожгли бы панцер. Но и растекшись по «лбу» танка, она закрыла смотровые щели. Экипаж обездвиженной машины счел за лучшее покинуть ее. «Туше».

Вот только поднявшуюся в атаку пехоту остановить уже нечем.

– ОГОНЬ!!!

Из оружия офицерский пистолет на семь патронов. С пяти шагов двумя точными выстрелами сваливаю набегающих фрицев.

Немцы врываются в окопы вокруг меня. Точно стреляю в голову врага, стоявшего сзади. Разворачиваюсь. В меня целится противник. Падаю на колени. Его выстрел мимо. Мой поражает грудь.

Сверху в лицо приземляются чьи-то ноги. Фриц. Его сбивает Андре, противники валятся на дно траншеи. Нащупываю рукоять пистолета. По-прежнему ничего не слышу.

Француз держит за цевье карабин немца, тот пытается вырвать. Вырывает. Пытается уколоть, но винтовка слишком длинная, француз уворачивается. Стреляю. Мимо. Еще раз. В цель.

Один патрон. Андре душит противника. На него с примкнутым штыком бежит враг. Последний достается ему.

Достаю из кобуры запасную обойму. Руки трясутся. Разбитое лицо ноет. Меняю. Взгляд падает на танк. Смесь догорает.

Осматриваюсь. На флангах и у основания «чаши» танкеры прорвали позиции. Три танка давят окопы, остальные вышли в тыл и расстреливают убегающую пехоту. Практически везде поверх траншей вижу фрицевские каски.

Щеку жестко обжигает. В мою сторону стреляет автоматчик. Унтер. Рассеянная очередь предназначалась не мне, иначе в голове бы уже имелась пара дырок. Приседаю.

Прямо напротив лежит пулемет. «Зброевка». Когда осколочный снаряд взорвал за мной окоп, я инстинктивно прикрыл оружие телом. Потом, оглушенный, переключился на гранатометание. Пулемет припорошило землей, но шанс, что надежное славянское оружие заработает, есть.

Поднимаю оружие, руками кое-как сбиваю грязь, обдуваю ствол. Выглядываю. Немцы приближаются. Но впереди ход сообщения, по которому можно попробовать уйти.

Моя очередь уходит прямо под срез траншеи. Кто-то падает, остальные залегают. Это шанс.

– За мной!

Я не слышу, кричу очень громко. Не знаю, идет ли кто-то следом или нет, проверить времени нет.

Бегу по траншее. Шаг, другой, третий... остановка. Высовывается немец. Очередь от груди. Враг падает.

Ко мне летят гранаты. Сразу три штуки, все не откинешь. Бросаюсь назад, падаю на своего бойца. За мной кто-то бежал. Ребята молодцы, вовремя залегли.

Взрыв. По-прежнему ничего не слышу. Только чувствую толчок горячего воздуха, куски земли, упавшей на спину, да жжение от одинокого осколка, рассекшего кожу на спине. Опять везет.

Вспоминаю слова матери о ее молитве:

«Только не предавай своей чести и совести, и Господь тебя сохранит».

Я не предаю ее, мама, я сражаюсь с честью...

Немцы бросаются вперед. Я уже не успеваю взять пулемет. Солдаты стреляют с обеих сторон. С обеих сторон падают люди.

Поднимаюсь на ноги. В узком пространстве окопа немцы и французы встречаются грудь в грудь. Карабины немцев длиннее, их ножевые штыки успешно достают моих солдат.

Три выстрела из пистолета. Два тела. В ответ очередь унтера из пистолета-пулемета. Падает француз, дерущийся впереди. Падаю я, хватаю «зброевку». Очередь. Пулемет клинит. А может, кончились патроны. Главное, немец получает рану в бок, валится назад.

Проход заполняют фрицы. Пистолет я выронил. Это смерть. Но они стреляют не целясь, от груди. Как плетью обжигает левую руку.

Встаю. Немец колет длинным выпадам. Уклоняюсь, сбиваю ствол винтовки рукой влево, бью ногой в живот. Враг падает. Справа фриц режет штыком живот француза. Андре, схватив мой пистолет, стреляет, пока затвор не замирает в крайнем положении.

Он переломил ход этой скоротечной схватки.

Хватаю карабин. С разбега всаживаю штык в живот завозившегося с затвором фрица. Бегу вперед. Вот он, ход сообщения! Наш шанс!

...Мы спаслись. Спаслись чудом. Я, Анри и еще двое бойцов. На четверых один карабин и одна винтовка. Плевать, главное, живы.

Ход сообщения вывел нас к густому кустарнику, за ним оказался овраг. В овраге был подъем к небольшой ложине. Вот так, петляя как зайцы, мы и сбежали, спасая шкуры. Но, по сути, я и мои солдаты сделали все, что смогли.

За этот бой сумели сжечь четыре самых сильных немецких танка, и не наша вина в том, что батальон уничтожен. По крайней мере, мы сохранили свои жизни, а значит, еще повоюем...

Глава четвертая. Последний бой

Конец дня мы хоронимся в негустом лесу. Его пространство так ничтожно, что попытки выйти к своим заведомо обречены на провал – слишком заметным было бы наше движение. Так что, удалившись от места сражения настолько, насколько это было возможно, я скомандовал привал.

Утренний бой, артоподготовка, немецкий штурм – все смешалось воедино, счет времени потерялся. Казалось, что дуэль с чешскими танками я принимал еще вчера, но на деле день только-только перевалил за вторую половину.

Далекий и все же довольно явственный гул немецких моторов и возбуждение боя не дают поначалу заснуть. Но в итоге усталость взяла свое, и проснулся я только в глубоких сумерках.

Тело ужасно болит после схватки и ото сна на жесткой земле. И если во время боя меня поддерживал нахлынувший адреналин, то теперь я понял, насколько крепко мне досталось. Жутко болит голова, все звуки доносятся издалека, будто я плотно закрыл уши. Ну, по крайней мере, не оглох.

Опыт боев у Пингаррон я учел, обработав раны сразу, как только группа остановилась. Правда, пользоваться пришлось «естественным» антисептиком. К вечеру царапины не воспалились, так что народный опыт стоило признать успешным.

Уже когда мы брели по посадкам, погода начала меняться в лучшую сторону. Конечно, теперь это увеличивало наши шансы попасть под удар с воздуха, но хотелось верить, что на четырех человек немецкие летчики охотиться не станут, слишком мелкая цель. Так что мы, по крайней мере, не промерзли, а лес наполнился сладким запахом прогретой травы и цветов.

Жутко хочется есть, в последний раз мы ели уже сутки назад. И вот так, гонимые страхом и голодом, но подкрепленные сном, мы двинулись назад – туда, где, в теории, еще могли встретить своих.

...Шли практически всю ночь. Чтобы не заблудиться, двигались параллельно дороге, но на приличном удалении. Хотелось верить, что этих мер предосторожности нам хватит. Разговаривали мало, каждого не покидали свои и общие тягостные мысли.

Один настоящий бой может превратить мужчину в воина в большей степени, чем десять лет обыденной службы. И сегодня этот фактор объяснял то, что после фактической гибели подразделения мы не разбредлись. Ладно, с Анри понятно, он мой непосредственный подчиненный. Но другие бойцы? Могли ведь сняться, пока я спал.

Да и самого себя я понимаю с трудом. С одной стороны, осуществилась мечта, я стал офицером. Только офицером разбитой в пух и прах армии. Конечно, в школе, после Дюнгерка, мы и так уже это прекрасно понимали. Армия не смогла остановить врага, имея на руках всю технику и первоклассное оружие, на что мы могли надеяться теперь? Но все же пока мы были курсантами и лично не столкнулись с врагом, казалось, что война где-то далеко, не во Франции. Или что наше участие в корне изменит ситуацию... Последний бой развеял эти глупые грезы.

Но тогда какой смысл продолжать сражаться? Разве не проще где-то раздобыть гражданскую одежду, выбросить документы и вернуться домой, к семье? Какой смысл искать смерть здесь, сейчас, когда она уже ничего не решит? Близким я буду куда нужнее живым, рядом. Тогда я смогу их защитить.

Защитить... Именно эта мысль заставляет пробиваться к своим, крепче сжимая в руках карабин. Потому что когда немцы полностью захватят страну, своих родных я не защищу. Оккупанты будут «править бал», и практически любое преступление сойдет с

рук германским молодчикам. Любая попытка оказать сопротивление обернется преследованием.

Так что дело тут не в напыщенных словах об офицерской чести, значение которой порой просто перевирают. Известны случаи, когда офицер, совершивший какой-то мерзкий проступок, становился объектом шантажа. И под его влиянием совершал уже не просто проступок, а измену, предательство – лишь бы люди не узнали о «пятне» на его офицерской чести. К тому же только «бусидо» самураев предполагала борьбу с противником до последнего и самоубийство при угрозе плена. Как французский офицер, исчерпав практически все возможности борьбы и предвидя неминуемое поражение, я могу позволить себе сдачу в плен без угрозы опорочить честь.

Но вот мысли о семье и о том, что я должен их защитить... Это не Испания, не чужая страна, из которой было куда бежать. Франция стала моим домом. Я давал присягу, я обязался ее защищать, но дело тут опять-таки не в красивых словах. Просто когда у тебя есть дом, мужчина обязан оберегать его и домочадцев. А родная страна – это тот же дом, только больших размеров. И он объединяет не только твоих родных, но и ближних того же Андре (бретонца), Анри (погибшего гасконца), Жака и Густава (уцелевших пехотинцев) и много кого еще. И сражаясь здесь и сейчас, прилагаю усилия к тому, чтобы не пропустить немцев на этом участке фронта, я помогаю тем ребятам, кто защищает Пуатье. Вот как-то так.

И моя борьба во Франции отличается от той, в которой я разочаровался в Испании. Там сражались за идею, за мечту, за новое правительство и новую жизнь. Еще там мстили. А здесь, воюя за страну, я воюю за ее людей и за землю, на которой они живут. Ведь страна – это же не правительство с той или иной государственной формой, не чиновничий и административный аппараты, нет. Страна – это земля и люди, на ней живущие. Люди, которых объединяет один язык, одна вера, одна история и культура. Защищая страну, я автоматически защищаю свою семью – ведь она ее часть.

...Только одними мыслями немцев не остановить, да еще и на голодный желудок. За ночь мы прошли порядка 30 километров, могли бы и больше, идя по дороге. Но там и опаснее. Так вот, мы не вышли к своим. И канонада гремела не ближе, а все дальше... Похоже, немцы прорвали целый участок фронта и бросили в прорыв моторизованные соединения. Они-то сумеют развить наступление.

Эта мысль вселяет черную тоску. К своим не выйти. А двумя винтовками, в каждой из которых осталось по неполной обойме... Нам только застрелиться патронов хватит, если все-таки захотим уподобиться самураям.

Уже в предрассветных сумерках мы набрали на сожженное поместье. Всего два двора, уютный, практически не пострадавший фруктовый сад, укрытый крепкой, но не очень высокой каменной оградой, сгоревшие постройки... Мы так и не нашли никакой еды, а зеленые яблоки, что легко могли расслабить голодные желудки, я есть запретил. Иначе мы даже застрелиться нормально не сможем, попадем в плен без штанов на корточках! Вот немцы будут смеяться! Еще и в газете статейку напишут, с них станется.

На дневку здесь останавливаться не стали, слишком место приметное. Да и неудобное. Решили пройти к виднеющимся в километре посадкам.

...На войне случаются события, которые не поймешь чем считать: удачей или проклятием. Но то, что, пройдя буквально сто метров, мы наткнулись на разбитую позицию зенитчиков, стоило все же посчитать удачей. Хотя бы после того, как в полузаваленной землянке мы нашли-таки банку тушенки. У ребят натурально загорелись глаза. Открывал ее я, так как только у меня был трофейный штык-нож. Быстро есть запретил. Банку передавали по кругу, каждый брал немного мяса и медленно, тщательно пережевывал пищу. Кто не знает, так можно неплохо насытиться даже малым количеством еды.

После завтрака уставшие бойцы практически сразу заклевали носами. А мое внимание привлекла стоящая в капони́ре пушка. Замаскированная, и сеть практически не пострадала.

В этот момент мое сердце забухало так, будто пыталось выпрыгнуть. Еще боясь поверить в такую удачу, но интуитивно понимая, что действительно повезет, я спустился в капонир. И то, что я увидел, оправдало мои самые смелые ожидания.

Автоматическое зенитное орудие Vofors L60! Это не могло быть правдой, но пушка стояла прямо передо мной! И после внешнего осмотра я убедился в том, что орудие исправно.

Что же я испытал... Смесь восторга, решимости, обреченности, злой радости.

Эти орудия закупались в Швеции, но их количества было совершенно недостаточно для эффективной противовоздушной обороны. И встретить его здесь, неразбитым, с сохранившимся рефлекторным прицелом, было просто невероятной удачей. Похоже, что расчет зенитки «обделался» при виде немецкой техники,двигающейся по шоссе, да к тому же попал под воздушный налет. Иначе не объяснишь то, что пушку оставили нетронутой, фактически просто бросив.

...В артиллерийской школе была своя спецификация. Мы получали общий курс знаний обо всех видах артиллерии, но в дальнейшем подробно изучали свое направление. Мне как-то по душе пришлась противотанковая артиллерия, доведком изучалась дивизионная и минометы. Многие же предпочитали воевать в гаубичной – там с врагом грудь в грудь не сходятся.

Зенитчики были отдельной кастой. И все-таки один раз за всю учебу мы пробовали стрелять именно из этой зенитки. Механизм наведения и прицеливания у нее очень сложен, для ведения огня по воздушным целям требуются два хорошо обученных зенитчика. Но я тешу себя надеждой на то, что для стрельбы по бронетехнике противника знаний мне хватит; по крайней мере, наводить орудие придется только в горизонтальной плоскости.

Еще одной проблемой является малый низкий угол вертикальной наводки, всего пять градусов. Внимательно осмотревшись и попробовав навести орудие, я понял, что с данной позиции огонь по шоссе вести не смогу. Пришлось наорать на бойцов, чтобы встрепенулись, перевести практически 2,5-тонное орудие в походное положение и тягать его вручную к саду у разбитого поместья. Хорошо хоть, что смогли закатить туда пушку. Зато позиция после маскировки получилась идеальная: с дороги нас не заметишь, а я могу держать под огнем два километра шоссе. Расстояние от планируемых целей – 600 метров.

Правда, снаряды в наличии только осколочно-фугасные, и ящиков всего ничего, все-таки зенитчики в кого-то стреляли. Но пока мы таскали их вручную, проклинали все на свете и малым их количество уже не казалось.

Я заставил парней удобно разобрать снаряды и перевести первые выстрелы на фугас. Бронепробиваемость у этого типа снарядов и так очень слабая, но, поставив их на фугас, мы хоть немного увеличим наши шансы поразить легкую бронетехнику. О средней и тяжелой речи уже не идет.

Когда приготовления наконец-то закончились, я дал ребятам отбой, оставив за собой дежурить первую смену. Все равно хотелось еще попрактиковаться в наводке и прицеливании. Но как же спокойно и легко на душе! Так бывает всегда, когда определяешься между удобным и правильным, но выбираешь правильное. И всегда бы так, только почему-то удобное нас поработает чаще...

Вот только-только определял для себя прицельную метку, как очнулся от шума мотора. Я даже не понял, как уснул. Время, навскидку, около одиннадцати часов. На дороге стоят два немецких мотоцикла с экипажами, и командир разведки внимательно исследует в бинокль поместье. И хотя я сам убедился в том, что замаскировались мы очень удачно, шанс, что немец со своей цейсовской оптикой нас заметит, имеется.

Или почувствует. На войне так бывает, и, кстати, очень часто, что противники чувствуют друг друга. Бывало, солдаты угадывали засаду именно по ощущениям чьего-то недоброго взгляда.

Господи, защити, укрой...

– Тихо! Не шевелиться!

Мои бойцы проснулись от звука работающих мотоциклов и по первости стали двигаться. Вот только этого не хватало! Если заметят, нам крышка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.